

ОТ ТРЕВОГИ К РАДОСТИ

Редкие выступления Элисо Вирсаладзе

Независимая газ. 2001. 16 мая. — с. 7

Михаил Жирмунский

КОГДА Элисо Вирсаладзе долго не появлялась, это замечашь. Пианистка приучила публику к регулярным выступлениям в Москве, несмотря на постоянные, как у всех, разъезды, но дело прежде всего в отличающемся духе ее концертов. На них стремится особая публика, очарованная не просто пианизмом, но особым благородством и «породой» ее искусства. Вирсаладзе удалось столь искусно выстроить свою репутацию, что она всегда была чрезвычайно почитаема среди интеллигенции, и громкая событийность каждого ее концерта никогда не захлестывала чужеродного ей круга. Именно потому сейчас приятно уже просто оказаться на ее концерте.

После ошутимого перерыва Вирсаладзе выступила 9 мая днем в Малом зале консерватории с посвящением 100-летию В.В. Софроницкого (не первый раз ее выступления проходят именно в этот день), играла Моцарта и Шумана. Затем в Большом зале ее программу составили три концерта Моцарта. Кажется, с таким подъемом и непосредственностью сильных эмоций пианистка не играла уже несколько лет. Ее шопеновский вечер в прошлом сезоне запомнился именно ностальгическим настроением, сви-

гавшим все переживания в прошлом. Теперь же весь концерт в Малом зале пронизывала тревога. Фрагментарные «Арабески» Шумана начались бурным всплеском, который только нарастал в трех частях его же до-мажорной «Фантазии». Созерцательные остановки казались величественным волевым укрощением внутреннего огня. Моцартовские сонаты Элисо Вирсаладзе выстраивала с присущими ей аристократизмом и размеренностью, нигде не отступая от строгости и прозрачности формы. И все равно басы в левой руке конфликтно вторгались в просветленное течение, а в медленной части поздней си-бемоль-мажорной сонаты (К. 570) сверлили тоской.

Оба концерта сопровождала череда перевоплощений, достойная подлинного мастера роаяля. Для поздних сонат и Рондо Моцарта (К. 511) Вирсаладзе предпочла резковато-ударный, «молоточковый» звук, ясный и динамически богатый, но ничуть не ласкающий слух. Шуман после перерыва привнес совсем иную звуковую атмосферу: зал наполнился глубоким окутывающим дыханием. Более ранние концерты Моцарта всего через четыре дня представили совсем другого Моцарта: иным был звук, светлым и невесомым. Удивительно переливались градации звучности, идеальная выверенность прикосновения к клавишам находила для

каждой по-моцартовски «отдельной» ноты свою ступень в таком входе бы тесном пространстве между «громче—тише». Под такового традиционно «солнечного» Моцарта выстроилось и другое настроение вечера в Большом зале. Оба концерта, 12-й (К. 414) и 9-й (К. 271), с роскошью моцартовской неисчерпаемой фантазии развивались по известной трехчастной схеме: легкая бравурность начала, очищенная смиренностью грусть (с оттенком мелодрамы в 9-м) медленных частей и жизне-радостный блеск с долей шутки в финалах. Концерт-рондо (К. 382) с маршевыми интермедиями, в которых фортепиано сопровождают духовые, прозвучал с одухотворенной приподнятостью. В целом же пианистический облик Вирсаладзе помимо красоты и захватывающей порывистости ее игры несет в себе еще и нечто ускользающее, рождающееся, вероятно, на стыке силы ее игры и деликатной открытости и приближенности к залу.

Александр Рудин, дирижировавший своим оркестром «Musica Viva», — из тех музыкантов, кто реализуется в любой ипостаси: как замечательный виолончелист или столь же выразительный дирижер-ансамблист. Название его оркестра отражает качество рождающейся музыки, «живой», а не стерильной (или скованной застывшей красотой, как у Владимира Спивакова).